

Титов Сергей Николаевич

канд. юрид. наук, доцент

ФГБОУ ВО «Ульяновский государственный
педагогический университет им. И.Н. Ульянова»

г. Ульяновск, Ульяновская область

КВАЛИФИКАЦИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРОТИВ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ ПО ПРИЗНАКАМ СУБЪЕКТИВНОЙ СТОРОНЫ

Аннотация: статья посвящен вопросам определения субъективной стороны преступлений против интеллектуальной собственности. Автор освещает дискуссионные вопросы о форме и виде вины в составе таких преступлений и приходит к выводу о том, что они могут совершаться только с прямым умыслом. Сделан вывод об избыточном указании в ст. 183 УК РФ на корыстный мотив. Особое внимание в статье уделяется объему вины при совершении преступлений против интеллектуальной собственности, которые квалифицируются как продолжаемые или длящиеся. Автором отмечается, что квалификация таких деяний как продолжаемых или длящихся зависит в первую очередь от того, какие из деяний виновного охватывались его первоначальным умыслом.

Ключевые слова: интеллектуальная собственность, авторские права, длящиеся преступления, продолжаемые преступления, уголовная ответственность, умысел, корыстный мотив.

Вопрос о том, какие преступления, предусмотренные российским уголовным законом, относятся к преступлениям против интеллектуальной собственности, является дискуссионным. Бесспорно, к таким преступлениям относятся деяния, предусмотренные ст. 146, 147 и 180 УК РФ. В отношении других составов единой позиции на страницах российской научной литературы не выработано.

Продолжение данной дискуссии не соответствует цели настоящей статьи, поэтому отметим кратко, что системное толкование Сопоставление ст. 1495 ГК РФ и ст. 3 Федерального закона от 29.07.2004 г. №98-ФЗ «О коммерческой

тайне» [9] дает основание заключить о синонимичности понятий «сведения, составляющие коммерческую тайну» и «секрет производства (ноу-хау)». Подобную позицию мы видим и у других авторов [2, с. 437].

В связи с этим представляется разумным относить к преступлениям против интеллектуальной собственности преступления, предусмотренные ст. 183 УК РФ, но только в части деяний, связанных с незаконными действиями в отношении сведений, составляющих коммерческую тайну.

Статистика преступлений по данным статистика совершения таких преступлений в последние годы показывает неуклонный спад (по данным Судебного департамента при Верховном Суде РФ, в 2015 году 1044, в 2023 году 317), по отдельным составам она вовсе является нулевой.

Однако ниспадающая статистика преступности в данной сфере представляется обманчивой. Международные аналитические отчеты и экспертные мнения сходятся в том, что ущерб от нарушений интеллектуальной собственности возрастает [1; 6].

Представляется, что низкие показатели числа осужденных по рассматриваемым статьям УК РФ вполне могут быть связаны с латентностью таких деяний и низкой эффективностью их предотвращения, в особенности при их совершении с использованием информационно-телекоммуникационных технологий [6].

В связи с этим является очевидной актуальность исследования вопросов, связанных с квалификацией преступлений против интеллектуальной собственности. Важнейшим из таких вопросов является характеристика признаков субъективной стороны таких деяний.

Статья 24 УК РФ, определяя правила указания формы вины в уголовном законе, дает основания для вывода о том, что в тех случаях, когда в статье нет указания на форму вины, закон допускает совершения того или иного преступления с любой формой вины.

В статье о преступлениях против интеллектуальной собственности указание на форму вины отсутствуют, что в теории дает основания для такого вывода в отношении этих преступлений. В науке встречаются также общее указание на то,

что преступления в сфере экономической деятельности могут совершаться как умышленно, так и по неосторожности [5, с. с. 223].

Однако, преступления против интеллектуальной собственности обладают спецификой в том смысле, что сопровождаются нарушением интеллектуальных прав на конкретные объекты интеллектуальной собственности, что не может не осознаваться виновным [3; 4, с. 222].

Анализ практики показывает, что такие преступления совершаются, как правило, с целью избежать дополнительных расходов, увеличить прибыль и т.д. [7].

Виновный осознает фактический характер своих незаконных действий в отношении объектов интеллектуальной собственности, социальное значение этих действий как общественно опасных и желает совершения этих действий.

Вызывает некоторые сомнения обоснованность включения в число квалифицирующих признаков в ч. 3 ст. 183 УК РФ совершение преступления из корыстной заинтересованности, да еще и наряду с совершением преступления организованной группой. Во-первых, ст. 183 УК РФ располагается в главе о преступлениях в сфере экономической деятельности. Это предполагает, что для преступлений этой категории корыстный мотив является если не обязательным, то преобладающим, во всяком случае само собой разумеющимся. Во-вторых, ценность секрета производства также является коммерческой. В-третьих, применительно именно к незаконным действиям в отношении секрета производства не ясно, чем корыстный мотив более опасен, чем, например, личная неприязнь к обладателю данного секрета производства, обида и чувство несправедливости, возникшие в результате увольнения, жажда мести и т. д.

В свете сказанного предлагается исключить указание на корыстную заинтересованность из данной статьи.

Отдельно следует остановиться на вопросе субъективной стороны продолжаемых и длящихся преступлений против интеллектуальной собственности. Приведем пример.

Р. признан виновным в совершении преступлений, предусмотренных ч. 5 ст. 171.1, ч. 1 ст. 171.3, ч. 1 ст. 180 УК РФ. На протяжении нескольких лет он занимался сбытом контрафактной алкогольной продукции. Он неоднократно закупал такую продукцию, транспортировал к себе домой, демонстрировал покупателям и продавал. В приговоре суда указано три эпизода его преступной деятельности, общее их действительное количество не установлено. Деяние виновного квалифицировано судом как продолжаемое преступление [8].

В подобных делах принципиальным является направленность умысла виновного на совершение продолжаемого преступления. При этом важным является то, что общий объем преступной деятельности судом не установлен и, очевидно, не осознавался самим виновным. Имел место преступный промысел. Виновный не ставит перед собой задачу сбыть какое-то определенное общее количество контрафактной продукции. По обстоятельствам дела, он планировал заниматься этим до тех пор, пока будет возможность. Иными словами, он действовал с неопределенным умыслом в отношении количественных характеристик своего деяния.

Это обстоятельство, судя по анализу судебной практики, не является препятствием для признания подобных деяний не совокупностью преступлений, а единым продолжаемым преступлением. Очевидно, что принципиальным является наличие у виновного первоначального умысла на совершение нескольких деяний (пусть даже без представлений об их конечном числе).

Представляется, что приведенные в настоящей статье выводы относительно субъективной стороны преступлений против интеллектуальной собственности в отношении вида и формы вины, а также направленности умысла при продолжаемом и длящемся характере таких деяний, заслуживают внимания правоохранительных органов и могут быть использованы при квалификации преступлений против интеллектуальной собственности и способствовать единообразию судебной практики в данной сфере.

Список литературы

1. Доклад ОЭСР «Тенденции в торговле контрафактной и пиратской продукцией», 2019 год // Сайт Всемирной организации интеллектуальной собственности [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://read.oecd-ilibrary.org/trade/trends-in-trade-in-counterfeit-and-pirated-goods_g2g9f533-en#page5 (дата обращения: 25.03.2024).
2. Зенин И.А. Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации, части четвертой / И.А. Зенин. – М.: Юрайт, 2008. – 632 с. EDN QQOHQZ
3. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / под ред. А.В. Бриллиантова. – 2-е изд. – В 2 т. Т. 1. – М.: Проспект, 2017. – 792 с.
4. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный) / под ред А.И. Чучаева. – М.: Контракт, 2012. – 624 с.
5. Лопашенко Н.А. Преступления в сфере экономики: авторский комментарий к уголовному закону (раздел VIII УК РФ) / Н.А. Лопашенко. – М., 2006. – 673 с. EDN QXBSQP
6. Отчет о состоянии правоприменительной практики в сфере защиты прав на объекты интеллектуальной собственности в Евразийском экономическом союзе за 2019 год // Сайт Евразийской Экономической комиссии [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.eurasiancommission.org/ru> (дата обращения: 25.03.2024).
7. Приговор Шпаковского районного суда Ставропольского края от 24.09.2020 по делу №1-108/2020.
8. Приговор Ядринского районного суда Чувашской Республики-Чувашии от 04.03.2023 по делу №1-2/2020.
9. Федеральный закон от 29.07.2004 №98-ФЗ «О коммерческой тайне» // Российская газета. – 05.08.2004. – №166.